

Дьявол во мне

Автор:

Вячеслав Прах

Дьявол во мне

Вячеслав Прах

Домиан молод, но измучен своими страхами, и однажды, не выдержав, он бросается под поезд. Оказавшийся рядом незнакомец спасает ему жизнь и даже предлагает поселиться в его доме. Представляется он полицейским, говорит, что расследует жестокое убийство, произошедшее в стенах одной из церквей города. Правда ли это и кто на самом деле стоит за страшными преступлениями? Домиан решает раскрыть таинственное дело. Эта жесткая, мрачная книга – клубок лжи, распутать который берется тот, кто сам лжет. Как далеко может зайти монстр? Особенно если этот монстр живет в тебе. Неприглядная реальность, атмосфера мистики и неожиданная развязка. Новый детектив Вячеслава Праха отличается от всех его предыдущих романов!

Вячеслав Прах

Дьявол во мне

© В. Прах, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящаю своей любимой дочурке...

Не хотелось бы мне, конечно, чтобы ты однажды прочла эту книгу. Она мужская, местами слишком жестокая и даже грязная. И за нее многие будут меня критиковать и топтать своими чистыми и благородными ногами. Но это такое... бессмысленное... Главное, чтобы меня не топтала ты. Наверное, правильнее было бы посвятить тебе какую-нибудь женскую, сентиментальную книгу, но у меня нет подходящего для такой книги настроения. Как замечательно, что я могу сейчас обратиться из прошлого в твое будущее этими строками, в этом есть какое-то волшебство. Здорово, конечно, быть писателем...

Никогда не грусти, мое сокровище, я тебя люблю. Я начал писать эти строки, когда тебе было всего семь с половиной месяцев. Когда ты весила семь килограмм и триста грамм. Кто знает, может быть, к тому времени, когда ты возьмешь эту книгу в руки, я стану известным писателем, в моем понимании известным. А может быть, и нет! На самом деле, это как игра в русскую рулетку. Может не выстрелить графоманство, а может выстрелить талант. Самому бы разобраться, что я есть такое.

Моей любимой и вечно счастливой малышке Еве...

Прочитай мое посвящение и закрой эту книгу. Она тебя не касается, посвящаются тебе лишь мои бессонные ночи, когда ты спала. Мой труд.

Спасибо.

Глава первая

Пора бы мне броситься под поезд...

Меня зовут Домиан. Как Дориан, только Домиан. Мой рост сто семьдесят один сантиметр, хотя последние несколько лет я всем своим знакомым (а таких у меня – и трех пальцев счесть будет много) вру, что мой рост целых сто семьдесят четыре, а иногда даже сто семьдесят шесть сантиметров. Несколько сантиметров придают мне уверенности в себе, как несколько тысяч долларов в кармане у «нищевродского», но никоим образом не делают меня выше. Не хотел

своим выражением никак обидеть известного поэта, ну понятно, о ком идет речь. Нынче все образованные, даже слишком, но разговор не об этом... В последнее время я очень много вру. Нет, не так! «Мне приходится врать» – это мое самое любимое оправдание.

Да, кстати, комплекс «коротышки» у меня начался с тех пор, как один мой школьный товарищ Онух... Даже не совсем товарищ, а так, одноклассник, балбес, дамский обольститель, если последнюю фразу взять в кавычки... да, черт с ним, с доходягой, пусть будет – просто знакомый, у которого вдруг в пятнадцать лет разыгрались гормоны, сны взорвались поллюцией, а его голодный взгляд прилип к попам одноклассниц. Да, совершенно типичный малый до самых костей типичности, если не учитывать тот факт, что целых два года он вливал в уши всем окружающим – естественно, против их воли, – а в частности, и мне, что он маленький, не удаленький, неполноценный и никому не нужный шпрот. Коротыга!

Так, это я уже совсем разошелся, сейчас попробую вещать более литературным языком, я ведь книжный червь. Отец меня никогда не баловал, а вместо этого давал читать книги. Книгами не согреешь, зато научишься красиво посылать людей в узду. Насчет отца это правда... И снова я пустился в пустое балаболство, но уверяю, моя жизнь – штука серьезная. Просто я себя настолько презираю и ненавижу, что стараюсь над некоторыми вещами смеяться, лишь бы над ними же не заплакать.

В общем, одноклассник этот, кот-бегемот на люстре, только без примуса и без возможности стрелять в своих обидчиков из пистолета, все ныл и ныл, что ниже его только пятиклассники, и то еще надо поискать таких. А мы на тот момент уже заканчивали девятый класс. И вправду, пятиклассники могли спокойно принять его за своего (только немного старого и с усиками «своего») и даже вызвать за школу и надавать лещей за какой-то косою взгляд в их сторону. Дети жестоки, вспомните «Повелителя мух». И вот в какой-то момент сто шестьдесят три сантиметра роста моего одноклассника стали причиной всех его бед. В частности, жидких усов и вони изо рта. Ну и, понятное дело, что тем девушкам, которые нравились ему, не нравился он. И настолько категорично он их не устраивал, что на роль того, с кем однажды при свечах они хотели бы лишиться девственности, больше бы подошел, ну скажем, макаронный монстр. Девушки рассматривали Онуха исключительно в качестве маленького плюшевого медведя, которого можно потрогать, потискать за щеки, нос, уши, которому можно рассказать о своих проблемах с парнями, если у них не клеилось (при

этом ему ни на какой «клей» не намекали). Они могли поделиться с ним своими девичьими секретиками, месячными-маразмесечными... короче говоря, мои одноклассницы не воспринимали его как мужчину.

«Во всем виноваты мои сто шестьдесят три сантиметра», – изо дня в день повторял себе он, а я это волей-неволей слушал. Его проблемы, его нытье меня совсем не касались в тот момент, как я думал. Но спустя какое-то время, когда я уже окончил школу и наши встречи с Онухом стали настолько редкими, что дважды столкнувшись в метро, мы оба раза сделали вид, что не узнали друг друга, я начал задаваться вопросом... Вот у него сто шестьдесят три сантиметра – в обуви на высокой подошве – и подбородок, постоянно тянущийся вверх (Онух так делал, чтобы казаться повыше и поувереннее). А вот мой сто семьдесят один... Разница в восемь сантиметров – это же ничто. Семь из десяти мужчин, проходящих мимо меня, на голову выше. В мире высоких Онух – карлик. Значит, все дело в росте. Исключительно в росте!

Вот почему в двадцать лет у меня не было ни девушки, с которой я мог бы поделиться своими микробами, ни друга, у которого можно было бы переночевать, и вместе с кем вызвать девиц самой древней профессии. Никого, кто был бы рад меня видеть и мог выслушать. Родители меня особо не замечали. Только когда я уже совсем начинал путаться под ногами. Или в тот период, когда писался в кровать через день на третий, как по расписанию. Начались эти мокрые преступления, мокрухи, в двенадцать лет и длились до пятнадцати. Но ведь родители замечали вонь моей мочи, а не меня. И не радовало даже то, что они не отчитывали меня и не внушали чувство стыда.

Да, точно, как я был слеп! Вот, например, девушки любят высоких, ни одна женщина не обернется на мой сто семьдесят один сантиметр, в поле их зрения попадают только мужчины от ста восьмидесяти двух. И плевать, что у меня член двадцать сантиметров в длину и двенадцать в окружности. Ладно, тут я немного загнул, но, в целом, какое все это имеет значение, если, кроме меня, его никто не видел?

В общем, в двадцать лет меня как молотком по голове шархнуло, я четко осознал: все, что происходит в моей жизни и чего не происходит – это из-за ста семидесяти одного сантиметра. Ко мне пришло просветление, ярчайшее озарение, как приходит оно к некоторым после книг Ошо, а к более умным – после Айн Рэнд. Не хочу никого обидеть, но «пусть ребенок воспитывает себя сам» – такая мораль не по мне. Вот воспитываю себя сам уже много-много лет, и

моя самооценка наконец нащупала отсутствие сантиметров. Несомненно, если бы я был выше, моя жизнь окрасилась бы в другие цвета. Я даже нашел статью в газете, мол, ученые выяснили, что мужчины ростом до ста семидесяти пяти сантиметров менее успешны во всех сферах жизни, чем те, кто повыше. С тех пор я поставил на себе крест. Конечно, в могильную яму еще пока не ложился и не засыпал в кладбищенской тиши под депрессивные стоны, но в двадцать лет я четко ощутил, что моя жизненная энергия угасает с каждым днем. Что я умираю внутри. Что я перегниваю, воняю, что я не из надежного камня, а из хлипкого картона самокритики и острот.

Бывало ли, интересно, еще у кого-нибудь такое поганое чувство, будто внутри завелся прожорливый червь, который пожирает все силы? Конечно, ведя откровенный диалог с самим собой, можно смело сказать, что всему виной был регулярный онанизм, ежедневная бессонница и тяжелые сигареты, от которых я регулярно падал в обморок, особенно по утрам, когда курил натошак.

Собственно, дело поутру обстояло примерно так. Открыл глаза. Поднял тело. Взял на столе зажигалку и сигарету. Накинул одежду, вышел на балкон. Закурил. Сделал шесть затяжек. Голова закружилась. Ком тошноты подступил к горлу. Смял в пепельнице сигарету. Зашел обратно в квартиру. Упал у окна. Очнулся. Открыл глаза. Закрыл дверь на балкон. Выпил воды, потому что в горле всегда пересыхает от сигарет. Умылся. Почистил зубы. Закурил снова. Позавтракал в обед.

Как-то так примерно.

Я умирал. Не физически, а внутри себя. И умирал порой так сильно, что в свой двадцать первый день рождения я бросился под поезд...

Почему же я умирал? А как было не умирать, если отец не любил мать, был абсолютно равнодушен ко мне и всячески демонстрировал всем вокруг свое полное безразличие и превосходство. Да лучше бы он меня бил иногда, как все нормальные отцы и учил чему-то. Как же не умирать, если в моей жизни не имелось ни одного человека, которому можно было тихо сказать: «Послушай, обними меня. А то мне что-то плохо». Мой отец, наверное, обнял бы меня лишь тогда, когда потребовалось бы дотащить меня из ванной комнаты до кровати, одеть, а затем донести до гроба. Невесомого меня он бы, наверное, обнял. И обнимал ведь когда-то. Когда я весил совсем немного. Что же стало потом?

Как было не умирать, если, сколько себя помнил, я играл на пианино, а мать в последнее время только и говорила мне, чтобы я нашел работу. Кстати, из-за этого инструмента, единственного моего верного друга на протяжении всей жизни, я чуть не умер. Это было давно, целых девять лет тому назад. И с тех пор я перестал видеть нормальные детские сны... Отец вообще не замечал и не слышал меня годами. Мать не понимала моей музыки. Хотя когда-то сама же меня и отправила обучаться. Она думала, что однажды я стану великим пианистом, как, к примеру, Жан-Луи Адан. Но она, видимо, поглупела – время от времени отец бил ее по голове, и с тех пор ее голова перестала быть ясной. Она не понимала, что музыка – это единственное, что у меня есть, профессия всей жизни. Даже матери у меня нет... И согласно ее новым убеждениям, я должен был стать юристом, экономистом, или кем-то еще. Но никак не собой. Музыка – это роскошь великих, а не удел бедных. Она же думала в последнее время наоборот. Что же могло затуманить ее голову таким маразмом?

Как не умирать, скажите мне, слушатели голоса в моей голове, если единственным человеком, который восхищался моей музыкой, был мой глухонемой дядя Дотто, и то когда выпьет? Личность, кстати, примечательная: нищий художник, алкоголик, он приходил в наш дом только для того, чтобы поесть и попросить у отца денег. А трудился частенько на улице. С ладонью, протянутой к тем, кто зарабатывает отнюдь не искусством.

Как не умирать, если окружающие меня люди умерли? Если ни с кем нельзя поделиться самой главной тайной моей жизни, которая грызет меня изнутри, просится вылезти наружу. Наверное, поэтому я курил по две пачки сигарет в день. Заблевывал иногда постель, мочился в пустую бутылку, чтобы лишний раз не идти через кухню в туалет и не видеть на своем пути никого из умерших. Возможно, поэтому я бросился под поезд, когда мне исполнился двадцать один год. А, возможно, потому, что во мне был всего сто семьдесят один сантиметр роста.

Я принимал свое убожество изо дня в день. Но порой я принимал в себе и ту скрытую от чужих глаз прелесть, ту иную грань себя, которая делает обыкновенный зеленый стебель растения ароматным цветком. Подобное я ощущал, лишь когда садился за пианино и играл. Моцарта, Листа, интерпретации Корто.

Когда я играл чужую музыку, то забывал о том, что я конченный онанист, холодная льдина, ждущая когда ее обнимет другая холодная льдина, не

умеющая ни переживать, ни сочувствовать. Сто семьдесят один сантиметр нерешительности и пустого места, двадцатилетний девственник с огромным членом (который иногда даже мешает).

Только музыка и сон – если не снились кошмары – позволяли мне забываться и не видеть окружающий мир таким, каков он есть на самом деле, не чувствовать, как гниют изо дня в день мои внутренности, именуемые человеческой душой. Сутью! Мое нутро в молодые годы было гораздо дерьмовей и циничнее, чем люди о нем думали. Мое лицо было немного красивее, чем нутро. Но люди не глупые, людям мало одной красоты, в частности женщинам; интерес любой женщины ко мне угасал после пары-тройки фраз, после вида моих трясущихся рук и неуверенного робкого взгляда в их сторону. Нерешительностью от меня воняло так же, как от старого богатого пердуна воняет смертью (особенно для какой-нибудь молодой хорошенькой девицы, желающей жить красиво и лишь во имя себя).

Никто не замечал той скрытой красоты во мне. Ее замечало только мое пианино, когда я на нем играл. По крайней мере мне бы так хотелось думать.

* * *

Естественно, я не сразу решил броситься под первый попавшийся поезд на той станции метро, которая находилась ближе всего к моему дому, хотя данное действие, а вернее сопутствующие ему телодвижения, я обдумывал не один десяток раз, стоя на перроне и глядя издали на приближающийся ко мне состав.

Говорят, что только трусы могут покончить жизнь самоубийством, но в тот момент я ясно и недвусмысленно ощущал, что бросить свое живое тело под железную бездушную машину, которая пропустит его через себя, как через мясорубку – на такое решится далеко не каждый. На это нужен дух! Особенно, если страшно умирать, но еще страшнее просыпаться изо дня в день сурка. Многие из тех, кто соберется это сделать, оступятся в самый последний момент, когда смерть только нежно всколыхнет волосы, когда жажда жизни застынет в глазах и на какое-то мгновение полностью овладеет каждым суставом тела. Каждым волоском.

Большинство потенциальных самоубийц никогда не решатся на этот шаг, как, например, не решатся прыгнуть с парашютом с высоты в тысячу метров над землей, когда уже нет пути назад, а вниз смотреть страшно до мозга костей. Или – спуститься вниз на тросе с некоей вершины, горы, или попробовать перебраться через стремительную ледяную реку. Или – взять ситуацию в свои руки и полностью, безвозвратно изменить свою жизнь.

И я, честно сказать, был трусом и долго не мог пойти на это. Едва завидев голову поезда, выглядывающую из темного, покрытого мраком тоннеля, я тут же принимался трястись от ужаса, как смертник на электрическом стуле. В желудке начинали бродить перегнивающие остатки вчерашней пищи, иногда даже выходили зловонные газы. И глядя в глаза своей смерти, я никак не мог решиться на то, чтобы сделать шаг вперед, в неизвестность. Я пропускал поезд за поездом, я пропустил сотню поездов. Я просто садился в вагон и ехал куда-нибудь. Лишь бы ехать и не возвращаться домой. Иногда – в конец города, чтобы послушать в наушниках музыку; свою музыку я почему-то слушать не мог, только чужую. Ехал, чтобы посмотреть в окно на серую широкую реку, чтобы доехать до конечной станции. А после вернуться домой.

Почему я не мог слушать свою музыку? Она мне была неприятна. Как только в наушниках начинала играть моя мелодия, меня каждый раз словно ударяло током. Будто у меня над ухом разламывали на части пенопласт (боже, этот звук я терпеть не мог больше, чем свою музыку) или водили вилкой по тарелке, издавая этот дьявольский скрежет, заставляя каждую клетку тела судорожно страдать. Моя музыка казалась мне каким-то дилетантским убожеством, полным изъянов и самого меня, она не была профессиональной. И порой я сам не мог понять, что именно я ненавижу в своей музыке больше – ее несовершенство или самого себя.

В конечном итоге, мне потребовалось больше полугода, чтобы наконец решиться стать фаршем, размазанным по рельсам. И, честно сказать, эти полгода ушли не на воспитание в себе боевого духа, силы воли и бесстрашия перед неизвестностью, а на ожидание. Я ждал хотя бы одного человека, которому я был бы по-настоящему нужен. Человека, рядом с которым я бы никогда не сделал этот шаг.

Одиночество – как паралич тела, в том случае, если человек не принимает себя и не может мирно существовать со своим отражением под одной крышей. Как-то так.

Мне по большей части хотелось отправиться к Гитлеру не потому, что осточертела жизнь и окружающие меня люди (хотя этим всем я давно был сыт по горло), а больше, наверное, потому, что рядом никого не было. Тварь по имени одиночество меня не страшила – когда о ней говорили другие люди, называя ее проклятием, – а даже иногда прибавляла картонной гордости за себя, ведь в одиночку выживают только сильнейшие! Такой старый, как мир стереотип укоренился в мозгу человечества, и каждый пытается оправдать свое убожество и неумение быть кому-то интересным – силой. Но поздними ночами, когда переставал говорить мир, переставали сигналить автомобили, выключались телевизоры и магнитофоны, пропадал свет из окон соседнего дома, замолкало мое пианино, мне вдруг становилось по-настоящему страшно. Страшно за себя, за свою жизнь, за свое будущее.

Одиночество душило меня, ибо я позволял ему себя душить.

Меня начинали раздирать на куски страшные и, что самое неприятное, навязчивые мысли. Кто я? Зачем я нужен миру? Зачем мир нужен мне? Почему у женщины между ног пахнет розами, а у мужчины тухлой сельдью? Почему меня не хотят красивые женщины, и что находят во мне экземпляры, обделенные красотой?

Меня терзало много разных вопросов. Каждую ночь. Оттого бессонница глубоко и решительно обосновалась в моем сознании, подчинила полностью мое тело. Почему, когда я пишу музыку, в процессе работы она кажется мне прекрасной, изумительной, волшебной? Пока я ее не закончил, пока создаю. Но едва я ее напишу, выпущу довольно клуб дыма, а затем сыграю еще раз, она начинает звучать совсем по-другому. Будто некий жестокий мучитель берет в руки нож, сначала разрезает пенопласт и делает это как можно дольше, а затем разламывает его на маленькие кусочки. И так из раза в раз – он делает это вечность. Музыка становится уродливой, как только она становится моей. Как только я беру на себя ответственность за то, что создал.

Это чертовски неприятное чувство, и я искренне уповаю на то, что ад – такой, каким он описан в Библии, и в нем не будет той пытки, где меня посадят за инструмент посреди людного зала и тысячи зрителей будут смотреть, как я играю свою мелодию. Я очень надеюсь, что ад – общий, а не как у Данте, и я не провалюсь от стыда прямо на стуле в другой такой же зал подо мной, не окажусь рядом с таким же пианино, а из ушей слушателей не потечет кровь...

Много чего не давало мне уснуть. Сейчас (когда я уже наконец выговорился тому самому человеку, тому животному, из-за которого чуть позже пересмотрел в жизни все, и снял с плеч ответственность за небо, взглянув на свое бытие с высоты птичьего полета) я могу смело заявить, что сигареты, кофе и голод хуже твари-одиночества. Но тогда я об этом, конечно, не знал. С пятнадцати лет я перестал прятаться с сигаретой от родителей – едва понял, что им на это плевать. И в тот момент, когда я хотел своим самоубийством сказать окружающему миру: «Я был. Вспомните обо мне», я не знал, что нужно ценить свое тело, свое здоровье, свой ум, а точнее трезвость ума. Я вообще много чего не знал, хоть и прочел не один десяток отцовских книг. Пошел по стопам отца – брать из книг только изящность языка, но не смысл.

В день, когда я в конце концов решился прыгнуть в объятия смерти, превратиться в безмозглую, бездушную лужу, растекшуюся по железным рельсам, я не стал каким-то другим – сильным и мужественным. Я просто закрыл глаза и ждал, я дрожал от страха и думал, что в момент столкновения с электричкой у меня точно будут мокрые штаны. Едва поезд показался из тоннеля, я зажмурился изо всех сил. И так же изо всех сил сжал зубы. Ощущая всем телом вибрацию, поток несущегося ко мне воздуха от приближающегося головного вагона, я сделал широкий шаг вперед, ожидая, когда пустота под ногами станет твердой. И, да, в последние секунды моей прежней никчемной жизни страх пропитал мои джинсы насквозь...

– Жить надоело, ублюдок?

Это первое, что я услышал после того, как ощутил себя на холодном бетоне. От меня пахло страхом, непониманием происходящего, но сильнее и громче всего от меня воняло... жизнью. Именно. В тот момент, когда ледящий ветерок, стелившийся по полу, продувал мою спину, мне хотелось жить. А точнее – выпить стакан коньяка или даже чего-то покрепче, выкурить сигарету. Но лучше всего две сигареты! Самые вкусные и желанные сигареты в жизни. Хотелось вдохнуть ночной загазованный воздух у себя на балконе и в какой-то неведомой мне наркотической радости погрузиться в свое обыденное и прекрасное дерьмо. Да, мое дерьмо стало прекраснее, и я это почуял всем своим встряхнувшимся нутром.

Что-то во мне поменялось.

Над моим телом сгрудилась толпа незнакомых людей, зевая, собравшихся взглянуть на благородный поступок. Я не знал никого из них, но в то же время помнил, что секундой ранее они окружали меня, когда я еще стоял за желтой полосой, разделяющей меня и поезд. Они собрались посмотреть на поступок. Геройство. Не каждый день людям доводится видеть спасение человека.

Что случилось в последний момент? Понять это – единственное, что было сильнее желаний, покурить, выпить и окунуться в жизнь по полной.

– Тебе что жить надоело? – кричал мне в лицо, по всей видимости, мой спаситель, крепко вцепившись в мою куртку. Ну и хватка. Железная! Так, наверное, отец сжимает в своей руке горло ублюдка, который обидел его дочь. Нет, он что, всерьез думает, что я сейчас перекачусь боком, сбивая с ног стоящих вокруг меня людей, чтобы упасть на колени между рельсами и дожидаться другого поезда? Ну уж нет! Ни за что!

А хотя, что ему было думать?

– Тебе есть куда идти? – спросил мой спаситель.

Пожалуй, это единственный в данной ситуации вопрос, на который я готов был дать вразумительный ответ.

– Нет.

– Тогда вставай. – Он встал сам и подал мне руку, я ухватился за нее и поднялся на ноги.

– Чего уставились все? Цирк уродов уехал, расходимся, – спокойно сказал он и начал проталкиваться со мной через толпу, смотревшую на нас с недовольством и осуждением.

Да мне было плевать, честно. Я не стыдился ни своих мокрых штанов, ни своего поступка.

Мы сели в вагон.

Мужчина, нет, пожалуй, все же парень, немногим старше меня, но с чертами взрослого, смотрел холодным пристальным взглядом. И ждал ответа.

Надоело ли мне жить? Увы, теперь нет. Дико хочу курить, дышать свежим воздухом, уйти во все тяжкие и наслаждаться каждым глотком этой убогой прелестной жизни. Но я ничего не сказал, лишь ответно заглянул ему в глаза, они были черными, под стать тому мрачному тоннелю, из которого выехал поезд.

Я не стыдился того, что от меня несло, как от вонючего безымянного бомжа из перехода, и, честно сказать, готов был спокойно в таком виде ехать домой через весь город. Куда, интересно, в тот момент у меня делось чувство неловкости?

– Ты немой, что ли? – Он не дал мне и минуты сладкого желанного покоя. Даже в вагоне метро.

* * *

Его звали Марк.

Мой спаситель, который в последний момент схватил меня за плечо.

Крепкий и статный офицер полиции, молодой убежденный послушник закона, истинный консерватор, с опаской относившийся ко всему новому, в том числе и ко мне.

– Кофе будешь?

– Черный?

– Нет, красный, – довольно злобно сказал Марк, разливая из чайника кипяченую воду по двум чашкам с растворимым кофе.

– Буду. Закурить можно?

– Кури. От рака легких умирать, должно быть, приятнее. Можешь подождать меня в гостиной.

И он принес мне из кухни пепельницу и чашку кофе.

Я сидел у него в светлой просторной гостиной с одним окном, здесь же стояли письменный стол и диван. Обои были бежевого цвета. И предостаточно свободного пространства.

Я поблагодарил его и сделал первую желанную затяжку в своей новой жизни. Я курил... но не наслаждался курением. Затем глотнул горячего, обжигающего губы и горло дешевого и совершенно невкусного кофе.

- Тебе комфортно?

Он снова уставился на меня своим холодным и бездонным взглядом. Интересно глубокий ли он человек, анализирует ли он сейчас меня? Или просто очередной идиот с пустыми глазами, который смотрит на тебя так умно и многозначительно, но при этом не видит ничего? Поглядим.

Кстати, я не понял его вопроса, ответил на всякий случай:

- Еще бы.

Горький плохой кофе был для меня сладким - ничто не могло испортить этот чудесный, полный внутренней радости день.

- Тебе комфортно сидеть в своей вонючей моче на моем диване?

Любопытно, насчет чего именно он беспокоится...

- А что тебя больше волнует, мой запах или вероятное пятно на диване?

- Вы меня волнуете оба, умник. Допивай кофе, докуривай сигарету и иди в ванную.

Он, интересно, не «голубь»? Из разряда тех голубей, которые летают по знакомым местам. «С чем родился - тем такому же и пригодился!» Нет, я совершенно не против голубей, если они не парят под моей крышей. Хотя это,

наверное, нормальное предположение в сложившейся ситуации.

– У меня нет сменной одежды.

– Я не слепой, сейчас принесу. Ты ростом ниже моего будешь, закатай штаны, если нужно. То, что дам – можешь не возвращать, эти вещи я все равно собирался выкинуть, все руки не доходили.

И он ушел в другую комнату. Через несколько минут вернулся с синими джинсами, хорошими, качественными, футболкой, трусами, новыми с этикеткой, и свежими носками.

– Благодарю.

Он не ответил, лишь закурил сигарету.

– Иди уже.

– Зачем ты пустил меня к себе? – Этот вопрос не давал мне покоя все то время, что я провел в чужих стенах. – Ты случайно не этот... чьи права сейчас отстаивают?

– Негр, что ли? – Марк со смеху чуть не упал со стула. Аж слезы выступили на глазах, а лицо покраснело от гогота.

Почему он так странно отреагировал на мой вопрос?

– Да вроде нет. Не переживай, полумертвец, за свой тощий зад. Я в щель подглядывать за тобой не буду. А-ха-ха. Иди уже... негр...

Я молча, с серьезным напряженным лицом, направился в ванную.

«Что здесь смешного? Он вполне подходит на роль реального маньяка, приглашающего молодых парней в свою квартиру. Знаю я таких!» – пронеслось у меня в голове.

Марк после себя ванну не мыл, так что перед тем, как туда залезть, мне еще пришлось оттирать слой грязи и чистить слив от его волос. Что за дурная привычка отмывать все перед купанием, а не после него?

Пока набирал ванну – стирал вручную старые штаны, трусы, носки. Когда закончил, воды уже было под край, и я с облегчением погрузился в нее с головой. Кайф...

Можно было ли здесь курить, я даже и не стал спрашивать, увидел возле геля для душа и шампуня стеклянную пепельницу, а потому спокойно взял с пола оставленные там на время стирки сигареты и зажигалку. И снова нырнул в теплую, нежно обволакивающую тело воду, закурил.

Жизнь прекрасна... Еще бы! А какой ей быть, если после долгих лет попыток дышать с пакетом на голове, я наконец освободился и вдохнул свежего воздуха?

Я лежал в воде, пока она не остыла. Истинное блаженство. Я был чертовски рад тому, что не стал красным пятном на рельсах несколько часов назад. Я был счастлив, что могу снова играть на пианино, писать ненавистную мне музыку (кстати, может, не такая она и плохая?). Я был счастлив и оттого, что снова смогу мастурбировать, но сейчас мне и без того все нравилось! Лишь бы этот странный, совершенно непонятный мне тип, представившийся офицером полиции, опрокинувший меня на лопатки на станции, не оказался ублюдком. Лишь бы не оказался голубем или каким-нибудь сексуальным маньяком. Не хотелось бы лишать жизни своего спасителя. Хотя я мог это сделать и тогда, в метро, так же просто, как плюнуть под ноги.

Он еще не знает, на что я способен.

Выкурив напоследок еще одну сигарету, я спустил в ванной воду. И помыл все за собой – терпеть не могу, когда люди оставляют после себя грязь! Надел одежду, выданную Марком, последовав его совету и подвернув-таки эти штаны, а затем не спеша вышел из ванной комнаты. Повеяло холодом...

* * *

Небольшая двухкомнатная квартирка, метров сорок пять, не больше. Убежище холостяка, одним словом. Прихожая метров пять. Кухонька без окна, из нее тянуло «ароматами» протухшего мяса, табачного дыма и чего-то еще, я пока не разобрал чего же именно. За то время, что я лежал в ванне, Марк уснул на диване. Том самом диване. Интересно, не воняет ли он после моих обоссанных штанов? Ну я и «ссыкло»... Впрочем, это бывает, не каждый же день бросаешься под поезд. Первая мысль, когда я увидел, что мой спаситель спит – украдкой покинуть его квартиру и раствориться в муравейнике города. Бесследно исчезнуть. Но...

Тогда я не узнаю, зачем он схватил меня и повалил на пол. Зачем после этого поднял на ноги и повел к себе домой? Зачем угостил кофе, дал свою одежду и уснул в присутствии постороннего человека? Кто он такой на самом деле? И что ему от меня нужно?

Я тихо удалился на кухню, включил чайник и принялся искать, что у него есть, кроме кофе. Может, хоть какой-нибудь чай? И сахар.

Когда Марк проснулся, я сидел и пил черный чай без сахара, вспоминал о том, как я закрыл глаза и ступил в бездну. Мне было страшно, и второй раз я бы, возможно, так уже не поступил. Сидя в этой маленькой, тесной кухне без дневного света, в чужой квартире, я понял, что жил все это время не так, что я стремился всеми силами себя умертвить. Чтобы стать совершенно безразличным к тем людям и обстоятельствам, чтобы они не могли мною управлять. Чтобы я не мог чувствовать и испытывать тупую, но давно уже не ноющую боль.

В двенадцать лет мне было больнее, чем под колесами поезда. Честно. Готов поклясться.

Я сидел в чужой чистой одежде, пил горький чай и думал о том, что хотел бы стать великим пианистом, как Беначчи, или хотя бы маленьким Домианом, который бы прожил счастливую незаметную жизнь где-то на берегу Тихого или Индийского океана. Остров Пасхи подошел бы идеально для размеренного существования в полном затворничестве. Наедине с собой, аборигенами и своими творениями...

Марк вошел на кухню. Я, конечно же, услышал его и на мгновение выплыл наружу из глубин себя, тихо прихлебывая чай.

– Я думал, ты уснул в ванной.

Его голос был красивым, низким и... я бы сказал, командирским. Марк казался выше меня на полголовы. Отлично зная и ощущая свой сто семьдесят один, я предположил, что его рост – сто восемьдесят. Какой же это важный показатель для жизни! Наверное, он намного счастливее меня...

С разлетом в плечах, с хорошей спортивной фигурой. Не тощий, не излишне полный – средней комплекции. Его волосатые руки, крупные, истинно мужские кисти и широкие плечи несомненно придавали ему мужественности.

– Что-то не так? – спросил я у него на всякий случай, когда он сел на свободный стул рядом и закурил.

– Все так. Зачем ты это сделал?

Я заглянул ему в глаза, они были полны усталости, но и неподдельного интереса.

Я понял, о чем он спросил, но почему-то решил прикинуться дурачком. Все-таки незнакомый человек, непонятно, что у него на уме, какие планы относительно меня он строит. А вдруг он не полицейский, а маньяк-садист? Какой-нибудь извращенец, желающий приласкать мой седалищный нерв... Я не знал кто он, и от этого мне становилось не по себе. Смотришь в мрак. Мрак смотрит в тебя.

– Ты о чем?

– Почему ты бросился под поезд несколько часов назад?

Я не знал, что ему ответить. Что не хотелось жить, или не хотелось жить той жизнью, которой жил? И внезапно я понял: это две совершенно разные вещи.

– У меня были на то свои причины... – Я хотел было добавить что-то еще в свое оправдание, но в последний момент передумал и задал встречный вопрос: – Зачем ты меня спас?

- Ты, наверное, хотел сказать, зачем я тебя вытащил? Вытащить мертвеца из петли - еще не значит спасти его. Я так поступил потому, что это мой долг, моя работа. Но даже если отбросить понятия службы и долга, я бы все равно это сделал. Как и любой другой, стоявший у тебя за спиной. Человеческий фактор, полагаю.

- Понятно. Не уверен, что я поступил бы также.

- Ты не был за спиной у самоубийцы, потому тебе сложно судить.

Он курил медленно, и я решил присоединиться к нему.

- Интересно, что за причины у тебя могут быть? Тебе двадцать есть? Как тебя, кстати, зовут?

- Домиан. Мне...

Я не успел закончить, у Марка зазвонил телефон. Он затушил недокуренную сигарету в пепельнице, внимательно посмотрел на меня, а затем ответил на звонок.

- Да... Хорошо... Скоро буду...

Он вскочил со стула в явной спешке и хотел было бежать, но вдруг остановился и повернулся ко мне.

- Мне пора. Работа... В холодильнике еда, пиво, бренди. Есть чай, кофе, блок сигарет. - Он показал на верх холодильника. - Можешь уйти, когда захочешь, только ключ в почтовый ящик положи. Если некуда идти, располагайся на диване, буду поздно ночью.

И он стремительно вышел из кухни.

Я по-прежнему курил сигарету, запивая теплым чаем. Через пару минут услышал, как входная дверь заскрипела, а затем захлопнулась. По всей видимости, я остался в квартире один.

Почему Марк, если он и вправду полицейский, оставил меня в своей квартире одного? Это неразумно, более того, это чертовски глупо.

Глава вторая

Ну что? Выкурить еще одну сигарету, умыться холодной водой и тихо удалиться отсюда, чтобы забыть весь этот день, как странный дурной сон?

Все же напоследок я прошелся по квартире, чисто из-за праздного любопытства. Заглянул в спальню, обнаружил там белый шкаф прямо у входной двери, кровать у окна и фотографию в рамке на подоконнике. На ней Марк стоял с какой-то женщиной, обняв ее сзади, и оба они улыбались. Я готов был поспорить на что угодно, что так не обнимают своих сестер или просто знакомых. Зеленоглазая, красивая...

Брать в руки фотографию я не стал, как и не стал рыться в шкафу, лишь отодвинул штору на окне и посмотрел на открывшийся вид. Проезжая часть. Но не шумно – удачные Марку стеклопакеты поставили... Сама квартира находилась в тихом зеленом районе города, всего в двух километрах от центра. Хорошее место для жизни.

В общем, я вышел из спальни, так ни к чему не прикоснувшись. Еще раз осмотрел гостиную и обратил внимание на небольшое, но пахучее пятно на диване. Черт, все-таки осталось! Пришлось протирать его с моющим средством. Затем я присел, закрыл глаза и сделал очередную сигаретную затяжку. По телу разлилось ощущение покоя. Пальцы играли в воздухе, нажимая невидимые клавиши. Да, я понял, что чертовски соскучился по своему старому другу. Возвращаться к родственникам до тошноты и ненависти не хотелось. Но при этом хотелось играть...

Я не знал, что делать. Остаться в квартире у незнакомого мужчины или вернуться домой как ни в чем не бывало. К старой жизни, к постоянным ссорам, обморокам и запаху блевоты, исходящему от каждого из родителей. Прошла всего пара-тройка часов, они даже не заметили исчезновения, пропажи. Они придут с работы и продолжат недовольно бурчать, молча презирать друг друга и улыбаться только во время комедийных ТВ-передач. Возможно, они даже не

зайдут в мою комнату. Ведь я всегда там – где мне еще быть?

Как же поступить? При мне скромная сумма родительских денег, кормить меня даром никто не будет, покупать сигареты, одежду и прочие вещи необходимые для существования – тоже. И пианино не появится здесь лишь по велению моей мысли. Если и покидать родительский дом, то покидать его навсегда, полностью обеспечивая свое дальнейшее существование.

Что я умею, кроме как стучать по клавишам и испытывать муки от собственных мелодий? Или, может, пытки больше не будет? И иголки под кожу засовывать никто не станет? Ведь я помню, знаю, что две моих последних мелодии прекрасны. Прекрасны настолько, что я посвятил бы их Марку, в благодарность за спасение.

Итак, нужно придумать, чем зарабатывать на жизнь.

Погрузившись в размышления, я даже не сразу понял, что изрядно проголодался. В предвкушении чего-нибудь вкусного открыл холодильник. Холодная курица гриль, плотно упакованная в фольгу, стала добротным обедом для тощего парня, который сегодня обрел жизнь, а точнее – вкус к жизни, нового себя.

Дома у Марка было уютно, как нигде; сидел бы здесь и сидел. Но после обеда я все же решил прогуляться по окрестностям этого района, не торчать же до ночи одному.

Еще вчера я ложился спать с мыслями о том, как поезд раздавит меня, переломает все мои кости, превратит в красную жидкость, краску, которую будет тереть тряпкой уборщица после того, как мои останки соберут в пакет и увезут на опознание. После того, как рельсы обесточат на короткое время, а движение поездов метро остановят из-за меня. Да, на несколько дней я бы стал знаменитостью, сенсацией, которую обсуждал бы весь город, а затем меня бы забыли. Все, кроме моей родни. Вероятно, они бы что-то переосмыслили, а может, и нет. Скорее всего – на какое-то короткое время: четыре недели или два месяца. А затем продолжили бы жить, как жили.

Нет, я рад, что меня вытащили из лап смерти. Во мне будто что-то проснулось. Что-то, что умерло когда-то давно или, по крайней мере, ушло в глубокий сон.

Что-то, что смотрит на этот мир сквозь призму яркости, видит прелесть в прохожих, в деревьях, в загазованном воздухе этих чужих для меня улиц. Я чувствовал радость от того, что сегодня вечером познакомлюсь со своим спасителем. Поговорю с ним, выслушаю его и, возможно, выскажу все, что во мне накопилось за эти последние годы, за все мое детство.

Да, сто семьдесят один – это еще не приговор. Шагая по улице, я вдруг начал замечать мужчин, которые были существенно ниже меня, но шли рука об руку с красивыми женщинами, с детьми, с улыбкой на устах и светлым надежным будущим в глазах. Сто семьдесят один – это не конец, это начало. Начало чего-то нового, интригующего и захватывающего одновременно, начало новой судьбы, нового дня и нового знакомства с человеком. Пусть я и недостаточно высок для этого мира, но тот, кто находится внутри – он гораздо выше меня, гораздо привлекательнее, он что-то хочет от этой жизни.

* * *

Марк вернулся в три часа ночи. Я к тому времени уже уснул, хотя и давал себе обещание дождаться его во что бы то ни стало. Однако успешно вырубился в половине первого, сидя на кухне с тлеющей сигаретой в руке. Проснулся через две минуты от резкой боли, потушил окурок, постелил себе на диване простыню, которую нашел в шкафчике гостиной, и уснул. Но когда Марк пришел домой, я услышал скрип двери, а затем тихие, неспешные шаги в коридоре. Он, наверное, понял, что я остался у него, и решил меня не будить. Еще несколько минут я лежал во тьме с открытыми глазами, а потом встал с дивана.

– Доброй ночи, – сказал я, выходя в коридор.

Я ожидал увидеть Марка в полицейской форме, но он был одет цивильно, по-городскому. Синие джинсы, теплый серый свитер, часы, добротные кроссовки. В руках он держал другую обувь, а именно черные туфли размера эдак сорок пятого, и старательно начищал их, сидя на корточках.

– И тебе доброй. Чего не спишь? – Он на миг взглянул на меня, а затем вернулся к своему занятию.

– Я услышал, как ты пришел.

– Понятно. Ел что-нибудь? – спросил он не то из вежливости, не то из какой-то странной и непонятной мне заботы.

– Да, спасибо. Я съел всю твою курицу. И полбатона хлеба, – с некоторой робостью в голосе ответил я. Почему-то стало стыдно за свой зверский аппетит.

– На здоровье. – Он поднялся с корточек, поставил обувь у входной двери и обернулся ко мне. – Завтра перед работой куплю нам по курице. Выйду немного раньше, потом вернусь домой, ты еще будешь спать. Ну и по мелочи возьму: салата, хлеба... Сигареты есть, должно на день хватить. Они на холодильнике, бери, не стесняйся. Куплю еще, если нужно.

Он в своем уме? Зачем он это делает?

Я промолчал, потому что даже не знал, как реагировать.

– Ты ведь с родителями живешь, так? – вдруг спросил он. – Если они подадут заявление об исчезновении, тебе придется вернуться домой. Дело серьезное, понимаешь?

– Понимаю. – Я набрался смелости и неожиданно даже для самого себя сказал: – Я не хочу возвращаться туда, там невыносимо.

– Я догадался, но об этом потом. Как тебя... Домиан?

Я кивнул.

– О'кей. Я иду спать, мне в пять тридцать утра уходить. Завтра вернусь к вечеру, в девять, может, полдесятого, и мы обо всем с тобой поговорим. На холодильнике оставлю тридцать долларов, будет нужно – распорядись. Не знаю о твоей материальной ситуации, да и мне сейчас не до этого. В общем, чувствуй себя как дома. – Марк немного помолчал, а затем добавил: – Пока тебя не ищут. Доброй ночи.

И он направился в спальню. После этого я его уже не слышал, видимо, он сразу уснул. Ну и работка...

Тем временем я выкурил очередную сигарету, запивать остывшим недопитым чаем не стал. Еще минут пять посидел в своих мыслях, а затем покинул кухню и последовал примеру того, кто вчера подарил мне жизнь.

Проснулся я в девять утра от стука в квартире соседей, которые затеяли ремонт в самое неподходящее для меня время. Если бы не этот надоедливый стук, возможно, я бы проспал и до обеда. Марка в квартире не было. Ключи лежали на кухонном столе – он закрыл квартиру своими, а вторую пару оставил мне, чтобы я мог покинуть его холостяцкую берлогу в любое время. Как он и обещал, курица обнаружилась в холодильнике, завернутая в фольгу. Там же в пластмассовом контейнере я нашел греческий салат. И бутылку молока, только купленную – еще вчера ее не было. В одном из шкафчиков я раздобыл хлопья, так что классический завтрак – хлопья с молоком – сложился сам. Курицу оставил на обед: жирная слишком для утренней еды, нужно беречь желудок. Вообще, забавно, что после вчерашнего я подумал о здоровье...

Разумеется, тридцать долларов я не трогал, а когда у меня закончились сигареты, бесстыдно взял пачку из распечатанного блока на холодильнике. Сигареты у него были хорошие, не дешевые.

Очень не хватало пианино. Пальцы хотели играть, а тот чудной человек, что жил внутри меня, хотел писать музыку. К нему пришло вдохновение. Некая пылкая страсть к своему увлечению, к своему хобби. Ведь играть – это не работа. Во всяком случае, для меня: мои мелодии никогда не приносили мне денег. Хотя... наверное, стоит попробовать. Но для начала я хочу написать новую мелодию для Марка. Мне показалась, что подарить две последние – не совсем честно по отношению к нему. Ведь написаны они были в другом настроении, в сладкой горечи, когда мне хотелось, чтобы меня пожалели, чтобы меня поняли, чтобы меня обняли и сказали, что я нужен. Нет, две последние оды до чертиков надоевшему одиночеству и жалости к себе я не мог посвятить Марку. Он бы все понял и не простил.

Поэтому я решил написать новое, вынуть это новое из глубины души. Или как там еще называют человека, живущего в самых дебрях сознания, которые не видел никто; чудесного человека, который погибал сотни раз, когда я-второй оставался целым и невредимым. Который говорил мне, что люди прекрасны, но им не хватает любви, сочувствия, сострадания. Того человека, который мог простить все на свете. Ибо если бы не он, я бы натворил дел в этом мире, однажды возомнив себя в нем судьей.

Вы пока еще ничего толком обо мне не знаете, кроме того, что я был жалким трусом, недоростком, мастурбирующим по несколько раз в день. И, скажу честно, последние годы это занятие не приносило мне должного удовольствия, а было всего лишь очередной пагубной привычкой, как и сигареты... да.

* * *

На этот раз Марк вернулся в девять двадцать. Когда он открыл входную дверь, я машинально посмотрел на часы, чтобы убедиться, или не убедиться, в его пунктуальности. Мне почему-то хотелось находить в нем достоинства, как некоторое время назад я старался найти их в своем отце.

- Почему ты уходишь так рано, а возвращаешься так поздно?

- Все прозаично, работа, - отозвался Марк и протянул ладонь для рукопожатия. Впервые за все это время я пожал его крепкую холодную руку.

- А завтра?

- Завтра я выходной.

Не скажу, что при этих словах я почувствовал облегчение или радость. С одной стороны, было ощущение расслабленности, предвкушения, ожидания, а с другой - страха и даже опасения за свою жизнь.

- А ты тут как? Весь день дома просидел?

- Почти. Днем выходил дышать воздухом, нравится мне этот район.

- Да. Мне тоже.

Сегодня Марк был в наглаженных брюках, длинном светлом пальто и в тех самых туфлях, которые вчера начищал до блеска.

«Почему такой разный стиль одежды каждый день?» – подумал я и тут же озвучил этот вопрос.

– Почему спрашиваешь?

Марк нагнулся и занялся уже привычным делом, чисткой обуви. Видимо, для него это ежедневный ритуал по возвращении с работы.

– Любопытно, – честно признался я.

– Хочешь знать? Хм. Ты еще такой...

– Какой?

– Не побитый жизнью, – улыбнулся Марк. – Молодой ты. Не служил?

– Нет.

– Двадцать есть?

– Двадцать один. Но мне кажется, ты лишь немногим меня старше. Сколько тебе?

– Хм, двадцать один... Мне тридцать два. Что ж, ты прав, пожалуй – немногим. Но не в возрасте суть, а во взгляде. У тебя взгляд другой.

– Какой это другой? – не понял я.

– Так и будем стоять в коридоре?

– Ты хозяин. Решай.

Я вдруг осмелел, почувствовал, что опасностью от него пахнет все меньше и меньше. Едва он только вошел в квартиру и мы начали общаться, я ощутил спокойствие внутри.

– Вчера, когда мы с тобой курили на кухне, мне позвонили и сказали, что молодую девушку, примерно твоих лет, может быть, немного старше, нашли изуродованной в районе Нарич. Но не это главное, в нашей огромной дыре такие случаи не редкость и уже достаточно привычны, как и таинственное исчезновение котов, собак, рыб. Проблема, мой друг, в том, что она была изнасилована. В ней нашли семенную жидкость, которая не могла принадлежать убийце никоим образом. Вторая проблема – девушка была прибита толстыми гвоздями к стене в одной из церквей района Нарич, ее тело висело так, как висит распятый на кресте Иисус. И третья проблема, что ни священник, ни прохожие, никто не видел ничего подозрительного. Священник первым отворил дверь церкви, в семь тридцать утра, и увидел тело. Ключ от церкви был только у него одного. Он вызвал полицию, и когда она приехала, его сразу задержали и отвезли в участок для допроса.

– Почему тебя вызвали так поздно, ведь преступление случилось утром?

– Этим изначально занимались другие люди, меня вызвали, чтобы я провел допрос. Знаешь ли, у меня взгляд такой... я вижу, когда мне лгут, – сказал он медленно и серьезно.

От его слов по телу побежали мурашки, впрочем, как и от подробностей о мертвой девушке.

– Пойдем на кухню. Хочу перекусить.

Он приготовил нам яичницу с беконом, налил по чашке своих фирменных помоев... простите, кофе. И когда мы сели ужинать, Марк продолжил оборвавшийся разговор.

– Семя, найденное внутри убитой, не может принадлежать этому священнику, да и убийце...

– Почему?

– Это было семя быка. Не представляю, каким образом оно могло попасть внутрь, если...

- Он ассоциирует себя с быком, - сказал я, оборвав его на полуслове.

- С чего ты взял? - Марк кинул на меня безразличный взгляд.

Как я понял, для него было абсолютно нормально говорить за ужином об убийствах, расчлененке и семенной жидкости быка. Я решил не смущаться и последовать его примеру. Не стану скрывать, с каждой минутой он становился для меня все интереснее.

- Если убийца позволил сперме быка попасть внутрь жертвы, тем самым, возможно, он хотел сказать, что ассоциирует себя с этим животным. Не стоит отбрасывать такой вариант.

- Предположим. И чем это может помочь?

- Как чем? Ты ведь можешь собрать психологический портрет убийцы, как пазл.

Он странно посмотрел на меня. Я не мог понять, какую именно эмоцию пробудили в нем мои слова.

- Ты детективов пересмотрел?

- Да, - ответил я честно. - Много детективов. И смотрел, и читал. Агату Кристи, Конан Дойла...

Мои познания в области детективных романов Марка не заинтересовали.

- Понятно. Допустим, он себя возомнил быком, что дальше? Мы тщательно проверяем всех владельцев ферм, ранчо, которые держат на скотных дворах быков. Но это процесс длительный.

Мы уже давно доели яичницу, выпили кофе (который как будто кто-то уже пил до нас и вместо сахара решил добавить земли) и теперь сидели в плотном облаке дыма. Курили.

- Но ведь он мог заранее подготовить сперму, а затем...

– Да, такой вариант мы тоже рассматриваем, но, как понимаешь, это усложняет дело.

Я вдруг почувствовал себя детективом. Скажем, великим Эркюлем Пуаро. И немного улыбнувшись потрогал свои усики, точнее то место, на котором они могли бы быть.

– Интересно, что говорит священник? Как пытается объяснить происшествие? Это же достойно детективного фильма! – с явным любопытством и даже восторгом произнес я.

– Это не игра, Домиан. Не детектив. Сегодня днем мать девушки, сгорбленная, разом постаревшая, целых восемь часов прорыдала сначала у холодных ног дочери, а затем в нашем отделении. Отец девушки поклялся, что вырвет внутренности убийцы через рот голыми руками, а затем возьмет швабру и просунет ему в горло так, чтобы она вышла из анального отверстия. Конечно, настолько сильные эмоции у людей лишь в первые дни. Девяносто девять процентов родителей жертв, как правило, в итоге смиряются, когда убийцу находят и дают ему реальный срок. И через некоторое время просто продолжают жить дальше. Так вот, Домиан, это не фильм. Я был в той церкви, и такого мне не доводилось видеть никогда. Она была полностью голой, и он...

В ту же секунду я встал из-за стола и молча покинул кухню. Нужно было срочно умыться и выпить стакан воды. Мне вдруг стало холодно, начало бросать в дрожь, короче, было как-то не по себе.

– Все нормально? – спросил Марк, когда я вернулся. – На тебе лица нет. – Я неопределенно качнул головой. Он секунду вглядывался в мое лицо, затем пожал плечами. – Ладно, не будем об этом. Но за мысль с быком спасибо. Я подумаю над этим.

– Томасу Харрису, который написал «Молчание ягнят». Ему спасибо. Там маньяк вкладывал в рот своим жертвам куколку бабочки, тем самым он хотел заявить миру о своем преображении. Буффало Билл ассоциировал себя с гусеницей, которая перерождалась в прекрасную бабочку. Классика! Неужели ты никогда не читал про Ганнибала Лектера?

– Никогда. Видишь ли, я не любитель книг.

- Я тоже. Предпочитаю только детективы.

- Чем ты вообще занимаешься по жизни? Работа постоянная есть?

- Нет. Люблю играть на пианино и сидеть на шее у родителей. Точнее, люблю только пианино, а сидеть на шее уже нет.

- И почему же?

- Потому что, пока я зависел от их денег, я не мог начать новую вольную жизнь.

- Хм. Пианино. Я могу тебе достать один агрегат. У моего напарника дочь играла когда-то, а сейчас инструмент стоит без дела, собирает пыль. Он может отдать его за бесценок.

- Я был бы очень ра...

- Нет, мы поступим по-другому. Пожалуй, ты пойдешь к себе домой и привезешь свой инструмент сюда. Если захочешь.

Наступила неловкая пауза. Я не понимал, почему такое прекрасное предложение о пианино напарника слетело с его губ и почему потом оно вдруг улетело в никуда? Я не хотел возвращаться к себе домой. Ни за что.

- Ну так что?

- Не думаю, что это хорошее решение.

- А я думаю, что так будет правильнее.

Я снова закурил и выпустил клуб дыма в его сторону.

- Почему это?

– Если родители заявят о твоём исчезновении, мне придется попросить тебя покинуть мой дом. Мне проблемы не нужны. Но если, допустим, завтра ты приедешь к себе домой и скажешь родителям, что покидаешь их навсегда, вывернешь наружу все то, что комом застряло в твоём горле, и пообещаешь раз в месяц писать им, чтобы они не волновались, тогда они не заявят о твоём исчезновении и ты сможешь спокойно жить, где хочешь. Ясно? Если ты и покидаешь родительский дом, то это нужно сделать по уму.

– Я подумаю об этом.

– Подумай. И поступай, как хочешь. Жизнь – твоя. Но исчезнувшего двадцатилетнего парня в своём доме я держать не буду. Ни при каких обстоятельствах. Понял?

Я кивком головы показал, что понял прекрасно.

– Почему ты пустил меня в свой дом?

– А разве тебе было куда идти?

– Ты и вправду читаешь людей по глазам?

– Думаю, да.

– Что ты скажешь о глазах священника?

– Ничего, они абсолютно пустые. Я думаю, что он не причастен к убийству, хотя разумно объяснить, как кому-то удалось отворить дверь его ключом, он не смог. Под конец нашей беседы начал клонить в сторону сверхъестественного, обвинил во всем бесов. Правда, фамилию и имя этих «бесов» не уточнил. Даже если в самом этом священнике нет, как он выражается, бесовского, я все равно не могу понять, как убийца мог попасть в церковь. Допустим, священник невиновен, просто стал жертвой не самых лучших для него обстоятельств: окна зарешечены изнутри, других ходов нет, потайных комнат тоже – естественно, все думают на него. Но тогда как наш маньяк оказался внутри?

– А что если убийца остался там с жертвой еще со вчерашнего вечера? – предположил я.

– Где бы ему прятаться? – спросил меня Марк и зажег новую сигарету. Мы их «ели» целыми пачками. – Это практически невозможно. Помещение небольшое, священник обязательно увидел бы посторонних.

– Нужно подумать...

– Я занимаюсь этим два дня. Если что надумаешь – говори. Глядишь, на мысль дельную натолкнешь. – Внезапно Марк ухмыльнулся. – Странно, что ты до сих пор не попросил меня показать удостоверение. Вдруг я тебе здесь лапшу на уши вешаю.

– А сам заманиваешь домой беззащитных юношей, рассказываешь им про маньяков, а потом расчленишь их? – Я усмехнулся в ответ. – Если бы ты хотел, уже давно убил бы. Я видел у тебя кобуру, ты, когда чистил туфли, сначала положил ее на пол, а затем аккуратно поднял и куда-то спрятал.

– Думал, ты не увидишь в полумраке. Молодец. Но что если я убийца и хочу убить тебя позже?

– Ты оставляешь ключ, чтобы я сбежал. Ты не убийца.

– А вдруг я люблю играть с жертвой? Позволяю ей чувствовать себя свободной. Как рыба, которая плавает в аквариуме. Ты не подумал, что вокруг тебя может быть искусственный мир?

– Подумал. Видишь ли, Марк, в твое отсутствие у меня было полно свободного времени, чтобы думать. Ты не убьешь меня, даже если ты убийца. – сказал я. Теперь уже – без страха, понимая, что в любом случае в аквариуме не я, а он...

– Почему же? – с улыбкой спросил Марк.

– Потому что я это знаю.

– Дурак ты самонадеянный. Будь я убийцей, ты бы ни за что отсюда не выбрался живым.

– У меня свое мнение на этот счет.

– Глупо, – сказал он, а затем добавил: – Детские аргументы.

– Возможно. – Я даже не стал спорить. Если бы Марк попытался меня убить, то сам превратился бы в бесчувственный мешок песка. Он бы не смог меня убить, нет. – Покажешь мне пистолет?

Марк достал кобуру, вынул из нее пистолет, вытащил магазин, а затем положил оружие передо мной на стол. Магазин от греха подальше спрятал в карман.

– «Кольт», – произнес он. – Полностью из нержавеющей стали. Держал когда-нибудь такой в руках?

– Нет, – мотнул я головой. – Никогда.

Этот пистолет был не похож на те, что показывают в фильмах. С уменьшенной рукояткой, длинным стволом... и вообще какой-то непропорциональный. Весил пистолет около килограмма, может, немного больше. Холодное оружие.

Интересно, почему холодным оружием называют нож, если пистолет намного холоднее его? Я бы даже сказал, он ледяной. Интересная вещь. И необычного бронзового оттенка: ствол, курок, спусковой крючок – все, кроме рукоятки.

– Ну довольно. – Марк одним движением забрал пистолет у меня из рук, вставил обратно магазин и спрятал в кобуру. На все у него ушло не больше трех секунд. Нет, пожалуй, даже, двух с половиной. Поистине, он искусно обращается с оружием. Возможно, он бы и смог меня застрелить, если бы делал это машинально и без колебаний.

От страха вновь свело живот.

– Что скажешь? – слегка улыбнувшись, спросил он. Когда его серьезный и пристальный взгляд менялся на расслабленный и безразличный, казалось, что его глаза излучают добро. И что он немного ухмыляется.

- Интересная вещь. Даже в фильмах не видел таких.

- Да, их больше не производят. Colt Double Eagle. Мне посчастливилось стать его редким обладателем.

Минуту или две мы выпускали в воздух клубы дыма и думали о чем-то своем. В следующий раз тишину нарушил я:

- Завтра куплю еды. Денег у меня немного, но я найду способ их заработать.

- А что ты умеешь?

- Играть на пианино.

- И все? Не много же у тебя талантов. Пока не представляю, как такой навык сможет тебя прокормить.

- Есть одна идея, уже много лет хочу воплотить ее в жизнь. Последние лет пять точно, но сначала мне нужно наведаться домой и забрать пианино. Только я не знаю... Это вообще нормально, что мы знакомы чуть больше суток, а я уже перевожу к тебе вещи?

- Так бывает. Правда, я слышал, так бывает с женщинами. Влюбляешься в них, а уже на следующий день они собирают чемодан, приезжают к тебе и наводят в мужском доме свои порядки. - Он хохотнул. - Только давай все же представим, что ты не моя женщина и порядков здесь наводить никаких не нужно. Ну и лезть ко мне в постель тоже, разумеется.

- Точно не надо переодеваться в женщину к твоему приходу? Брить ноги, надевать чулки, парик, готовить салаты, фирменное мясо?

- Если тебе так будет комфортно, то пожалуйста, - серьезно ответил Марк.

На мгновение мне стало не по себе от перемены его настроения. Но затем он громко засмеялся, и я снова расслабился.

- Ну, мы друг друга поняли, - заключил Марк и уточнил: - Значит, завтра ты все-таки поедешь к родителям?

- Да, - без колебаний кивнул я. - Это нужно сделать.

В его взгляде вновь мелькнуло подобие интереса.

- Как ты чувствуешь жизнь после того, как я тебя вытащил из ада?

- Как чувствую... - на миг я смешался. - По-другому. Декорации вроде все те же, а отношение к ним другое. Понимаешь?

- Не думаю, что когда-нибудь пойму. Что-то переосмыслил?

- Много чего.

- Будешь еще бросаться под поезд или лезть в петлю?

- Не в этой жизни точно, - уверенно заявил я. - Больше не хочется быть заложником. Жертвой. Хочется жить.

- Может, теперь расскажешь, почему решил свести счеты с жизнью?

Ответил я не сразу.

- Мне не было ради кого жить.

- А для себя разве мало?

- Мне казалось, что мало. Может, тебе этого и не понять, Марк, а может, и наоборот - кому как не тебе знать, почему люди от одиночества бросаются под поезд, падают на скалы или умирают от удушья.

- Я лишь знаю, что одиночество - очень хорошая штука, если быть в дружбе с собой и иметь к себе уважение. У тебя нет девушки. Но это нормально, тебе только двадцать. Твоя жизнь в начале первой главы. А вот то, что ты свое

нерожденное потомство вытираешь моим полотенцем, это не нормально, Домиан. Будь добр, вытирать своим. Я положил в ванной, пользуйся, оно теперь твое.

Мне вдруг стало очень стыдно за себя. За свою сущность, натуру. За себя настоящего. А затем я перестал стыдиться.

– Да, я такой, – подкуривая новую бессчетную сигарету сказал я.

– О'кей, я не против, – безразлично отозвался Марк и спросил: – Как думаешь, в гостиной нормально встанет пианино?

– Вроде да. Как раз есть свободное место у окна.

– Хорошо.

– Не беспокойся, по ночам я играть не буду.

– Да играй сколько влезет, стены здесь толстые. – Марк задумался и на всякий случай добавил: – В разумных пределах. Не хотелось бы, чтобы соседи жаловались. Они у меня не любители искусства.

– Мои бывшие соседи тоже, – сказал я. – Они, наверное, ненавидели меня всем домом. Теперь спят спокойно, а может и нет. Кто знает.

Вспоминать о своей старой жизни оказалось неприятно; в воспоминаниях этих душу грело одно – пианино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/vyacheslav-prah/d-yavol-vo-mne>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)